

ВОСПОМИНАНИЯ В. И. ЧАПАЙКИНОЙ

КУЛАЦКИЕ ОТРОСТКИ

Я родилась 20 декабря 1922 г. в с. Плоском (теперь Новосибирской области). Меня называли Варварой. Но в детстве я стала называть себя Валентиной, потому, что Варварой звали одну знакомую старуху, слепую и глухую, мне она не нравилась. Мой отец – крестьянин Иван Яковлевич Ломаков жил под Москвой, но примерно в конце XIX – начале XX века перебрался со своей сестрой в Сибирь. Отец был ровесником В. И. Ленина – родился тоже в 1870 г., но в отличие от Ленина был он человеком религиозным. Отец рано осиротел и рано овдовел. Его первая жена умерла, оставив двоих дочерей. Я родилась от второго брака отца. Вторая отцова жена – моя мать, была моложе его на 20 лет. Но мать тоже скоро умерла – ей

только исполнилось 30 лет, а мне всего 6. Через полгода отец женился в третий раз на вдове, у которой уже было двое детей. Тогда часто в одной семье были дети от разных браков отца или матери.

У нас было большое хозяйство, мы жили в достатке: дом был двухэтажным, в доме — сундуки, подушки пуховые, одеяла, перины до потолка; скота было много — 70 коров, почти 100 овец, свиней, помню, было столько, что они, когда ели, плотно стояли бок о бок с обеих сторон вдоль огромного корыта в 15–20 м. Были у нас, конечно, и телята, и куры, и утки. Да и людей имелось немало.

Отцу было уже за пятьдесят, когда весной 1930 г. начали «раскулачивать». Стали проводиться собрания, с которых мужики возвращались, так ничего и не поняв. Но беду чуяли. По домам заходили «комиссии». Помню, что в их составе были и наши родственники. Отец предусмотрительно многое спрятал — сделал своего рода клады. Поэтому, когда пришли к нам, в доме почти ничего хорошего не было. Но у нас забрали то, что осталось. Среди отнятых вещей были большие дубовые часы, которые спустя несколько лет я увидела в кабинете председателя сельсовета. Часы просто-напросто нагло украли. Кстати, председателя сельсовета тоже вскоре «забрали». 10 лет отсидел.

Нас, детей, сначала просто расспрашивали о родителях. Но мы ничего не знали и не верили в то, что они совершили плохое. Ведь мне было всего 6 лет, а Марусе — 4 года. Тогда нас поставили к стенке, взяли отцовское охотничье ружье и стали нам угрожать. Среди угрожавших, помнится, была родственница по отцу, комсомолка. Все это было очень жестоко, но никакой жалости к нам не было.

Летом того же года всю нашу семью отравили в ссылку, в Томскую область, в поселок Шукшинский. Колонна ссыльных на лошадях была такой длинной, что мы не видели ни ее начала, ни ее конца. По сторонам, у каждой телеги шел конвой. Потом нас пересадили на поезд и повезли в Томск. Ехали мы в телячьем вагоне — людей везли словно скотину. В поезде не было света, туалета и еды. Кто-то ночью тайно вскрыл бочку соленых огурцов, которые стали разбрасывать по вагону в темноте голодным людям. Я хорошо запомнила тихие шлепки огурцов о стенки вагона. Было страшно. В этом поезде люди сходили с ума. С нами в вагоне ехала женщина со старой матерью и грудным ребенком. Ночью женщина выбросила ребенка в окошко. Вскоре, на одной из станций ее забрали врачи, а старуха-мать поехала дальше, в Нарым.

Мы прибыли в Томск. Из Томска нас повезли на барже. Мы заплыли дальше Парабели. Когда высадились, отец начал искать место, где построить дом. Он выбрал место рядом с Обью. Там же было болото и озеро. Отец начал строить на его берегу. Сначала выкопали землянку. По Оби сплавляли лес и в наше болото попадали бревна и досточки. Отец их вылавливал, таскал на себе и строил из этих отбросов маленький домик – меньше комнаты и с одним окошком. Все лето я сильно болела, не вставала. Сначала я лежала в доме на печи. Смутно помню наводнения: в дом попадала и поднималась вода. В ней плескались лягушки и змеи. Я замирала, меня одели в чистую рубашку и вынесли на траву. Все ждали моей смерти, думали, что меня укусит змея или паук, и я скорее «отойду». Но меня никто не укусил, к осени я выздоровела.

В ссылке мы прожили шесть лет. Отец поначалу был бригадиром. Но он не смог выполнять эту работу. На один район давали мешок муки. Отец прилюдно делил муку: сначала каждому по одной чашке, потом по стакану, наконец, выгребли все из мешка и остатки собрали в наперсток. Отец решил отдать этот наперсток двум старикам. Но, люди закричали, подняли бучу, мол, дед с бабкой свое отжили и мука нужнее молодым. Отец не выдержал и отказался делить муку.

Спустя какое-то время отец с соседом Василием решили построить дом на двоих. В нашей хибаре невозможно было жить. Отец с Василием поехали в Парабель за бревнами и другими материалами. Мачеха долго ждала отца из Парабели, наконец, сосед вернулся один на коне и без саней. Мачеха спросила: «Где Иван»? Он ответил: «Кочаны на квартире ест». Мы не поняли ответа. Скоро выяснилось, что Василий сошел с ума, убил дорогой отца и бросил его при смерти в лесу лежать в санях. Мы нашли отца, принесли домой, положили на пол, стали греть горячими бутылками, думали, что он замерз. Отец вздохнул, не открывая глаз, заплакал. В это время обезумевший Василий ступом убил еще и свою жену. Что стало с самим Василием – не помню, но двух его сыновей отправили в детдом.

К нашей мачехе тоже приходили и просили отдать детей в детский дом, мол, «они там выживут, выучатся». Но она отвечала: «Нет, я без них умру». И не отдала нас. А те парнишки выучились: первый стал капитаном, а второй – преподавателем.

Питались мы плохо: все больше рыбой да шишками. С пароходов за нами зорко следили, чтобы мы до времени не сбивали шишки. Но есть хотелось. Мой брат Миша залезал на дерево за шишка-

ми, а я караулила внизу. Если плыл пароход, я кричала, и Миша замирал на дереве. Потом шишки сбивать разрешили, но мы все равно голодали. Ели колбу. Ходили с Марусей за семь километров непроходимой тайгой к людям просить еду, побираться. Если давали – благодарили: «Спасибо, спасибо!», а не давали – плакали и уходили.

Нашу мачеху-мать в 60 лет признали нетрудоспособной. Мне тогда было уже 14 лет, а Марусе – 12. С нами жили еще наш старший брат Миша пятнадцати лет, сестра Шура восемнадцати лет и девятнадцатилетняя Настя. Настю однажды отправили корчевать лес. Она вернулась домой через месяц работ и умерла, потому что надорвалась. А наша старшая сестра Ниора убежала из ссылки сразу, как только нас пригнали, убежала в Алма-Ату к брату отца мачехи, к дальнему, в общем, родственнику. Помню, он выслал нам из Казахстана мешок пшена, чтобы хоть как-то помочь.

Наконец срок ссылки истек. Нашу семью отправили восвояси, но Шуру и Мишу не отпустили. Когда мы вернулись, мачеха заявила: «Жалко мне вас бросать, но завтра я уеду в Алма-Ату». Сказала и ушла. Утром мы пошли искать ее след. Вдруг мимо что-то «пролетело»... Мы от испуга так и сели у забора. Из дома вышла отцова сестра и завела нас к себе. Они с дядей приняли нас к себе, стали хлопотать за нас в колхозе. В итоге нам выделяли по пуду муки и по литру молока на человека. Все лето мы прожили у дяди. Дядя был трактористом. Прямо с поля его, помнится, и «забрали»... Тетка Матрена осталась одна с двумя детьми.

Одна из наших родственниц по маме хранила атласное одеяло – большую ценность по тем временам. Его продали и купили маленький домик, где стали жить как селедки в бочке. Через год вернулись Миша и Шура. Они сбежали. Пытались бежать они не раз. Однажды их поймали собаки. Потом Миша и Шура одни вышли через тайгу. Вот как к родным тянулись, хоть и родители были разными! В Парабели, чтобы попасть на пароход, им пришлось пойти на хитрость: попросили чужую тетеньку соврать, что они – ее дети. На пароходе с двух сторон стояли милиционеры, проверяли документы. Шура пробежала сквозь толпу, заскочила на пароход, а Миша остался. Трап стали поднимать. «И это тоже мой!» – закричала пожалевшая их тетенька. Мишу подхватили. Потом Шура и Миша спрятались в туалетах. Там были мощные крючья. На пароходе шла облава, но при выходе та же женщина вновь выручила ребят.

В 1941 г., с началом войны, в деревне остались одни девушки. Мне исполнилось 18 лет. И я валила лес в трудовой армии. В первый же день меня чуть было не придавило деревом. В нашем отряде

было 500 девчонок. Нас никто не жалел, никаких поблажек не было. Были только лозунги: «Армии – лес!» да «Строить мосты – лес!». Командовали нами два старика. На работы присылали и беспризорных. Я носила красную шапочку. «Где эта, в красной шапке девчонка?» – спрашивали. – «Она у нас пляшет». Голодные, мы вечерами танцевали под баян. А ночью я с незаряженной винтовкой стояла возле казармы, караулила. Однажды офицер с женщиной специально, для проверки, прошли мимо. Я их не остановила. А утром – штраф и мытье полов. Зимой мы чистили железную дорогу. Там я простыла, с тех пор у меня бронхит, часто мучает кашель.

Я много раз писала заявления об уходе из колхоза. Невыносимо тяжелой была работа. Да еще и таких, как я, звали «кулацкими отропками» те, кто возвращался с фронта. Однажды зимой, когда колхозные машины поехали с мясом в город, я уехала в Новосибирск. Устроилась как смогла – в столовую, которая обслуживала «блатных», то есть начальников, собирать посуду. Поселилась на квартире у Инюшенского бора. За квартиру платила чаем и кашей.

Со своим мужем Михаилом я познакомилась еще во время войны. Он был добровольцем, приезжал в отпуск. Мишина жизнь была несколько не лучше моей. Его родители еще до войны уехали жить в город. Отец устроился работать на завод «Большевик». Но вскоре произошло несчастье. Как-то в сентябре, было уже холодно, он на лодке переправлялся через Обь, лодка перевернулась, и свекор утонул. Ему было всего 33 года. Свекровь же забрали по политической статье. Поэтому Михаил рос беспризорным.

Пожились мы в 1946 г., после демобилизации Михаила. Он стал работать в речном порту матросом, потом кладовщиком. Позже перешел на завод, сейчас это – завод металлоизделий, стал рабочим, потом мастером, дослужился до начальника цеха. У него не было особенного образования (заканчивал только ремесленное училище), но писал он без ошибок. Память у него была очень хорошая. Но не буду его идеализировать: он выпивал, как и большинство мужиков в то время. В 1948 г. я родила Людю, а через год – Николая. Всю оставшуюся трудовую жизнь я работала по столовым – 30 лет, со временем получила медаль «Труженица тыла».

А мои близкие... Брат Миша погиб на фронте в 1942 г. Мачеха Анисья Андреевна добралась-таки до Алма-Аты и умерла там. Я и сама в 1945 г. ездила в Казахстан к сестре Нюре, хотела там обустроиться, но мне быстро надоели фрукты, картошки не хватало, было голодно. Я соскучилась по сибирской еде. Да и зло брало на сестру, которая распродала отцовское добро. Он ей доверил часть

тайников, она их разбазаривала. А мне было жалко. Я затосковала и вернулась в Сибирь...

— В 1994 г. я получила по заявлению реабилитацию. Что я могу сказать о советском времени... В то время можно было жить, все что было — пережили. А перестройка и девяносто первый год — не многим лучше. Жалею, что не получила образования, я всегда хотела учиться.